

18+ Дарби

Мебе

Истории
о любви

Олеся Дерби

Тебе. Истории о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081696

ISBN 9785448582721

Аннотация

Подарочное издание, в которое вошли первые робкие сборники «Верю. Надеюсь. Люблю», «Догоняя рассветы» и «Самая простая магия», которая стала первой ласточкой сказочных историй книги «Достучаться до чудес». Их дополнили наполненные нежностью и тоской «Письма с небес». Получилась красивая книга о чувствах.

Содержание

Ласточка	6
Письма с небес	7
Верю. Надеюсь. Люблю	18
Без тебя	18
Воздушные замки	21
Верю. Надеюсь. Люблю	24
Проводы любви	26
Шаг в новый день	29
Преданность	31
Люблю и отпускаю	34
Догоняя рассветы	37
Михаллна	37
Капелька любви	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тебе

Истории о любви

Олеся Дерби

Анатолий Заплатин *Корректор*

Наталья Залесова *Дизайнер обложки*

© Олеся Дерби, 2024

© Наталья Залесова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4485-8272-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мужу Валерию

Однажды ты спросил:

– Что я должен ещё сделать, чтобы ты была счастлива?

Я посмотрела в твои зелёные глаза и ответила:

– Просто будь рядом и люби меня такой, какая я есть...

Ты рядом. И любишь, принимая меня любую. С тобой я поняла: если счастьем делиться, то оно длится дольше. Поэтому делюсь им, разделяя его между нами поровну. И эта, самая спелая и сочная

половинка – тебе...

Ласточка

*она произносит: лес, – и он превращается в лес
с травой по колени, с деревьями до небес,
и входит она в свеченье зелёных крон,
и лес обступает её с четырёх сторон,
она произносит: свет,
– и он превращается в свет,
и нет никого на свете, и слова нет,
и облако белой глиной сворачивается в клубок
пока еле слышно она произносит: бог...*

Сергей Шестаков

Письма с небес

А вам какие снятся сны? Цветные или чёрно-белые, как передачи в старых телевизорах? Леса в них мелькают, горы или поля? Ромашки видятся, розы или васильки? Мой муж говорит, что не видит сны. Каждую ночь, словно проваливаясь в пропасть, он засыпает крепким сном уставшего человека и открывает глаза на рассвете, чтобы окунуться в новый рабочий день. А вот я в своих снах проживаю иную жизнь, которая отличается от моих реальных будней. Она, ночная, наполнена волшебством, тайнами и красотой. Иногда, когда за окном видна полная луна, вижу один и тот же сон: мужчину в кресле напротив. Он приветливо кивает головой, берёт меня за руку и долго смотрит в глаза. Потом зажигает свечи в старинных канделябрах и вслух читает письма.

Одинаковый сон отличается лишь содержанием. В такую ночь я очень внимательно слушаю мужчину, потом просыпаюсь и долго не могу уснуть. Чтобы не забыть сказанное мне, встаю с постели, беру ноутбук и ухожу на кухню – не нужно не будить детей и мужа. И заново переписываю каждое послание из сна.

Я назвала послания из снов образно: «Письма с небес». Возможно, они читаются для того, чтобы у меня и окружающих людей появился ещё один шанс проникнуться нежностью и лаской в этом поистине бездонном и глухом к чув-

ствам мире.

Верьте в любовь! Она тоже правит миром, что бы кто ни говорил... Не думайте о плохом. Окунитесь в чувство обаяния, пусть оно крепко, но нежно захватит вас и не отпускает как можно дольше. Верьте, всё самое светлое придёт в вашу жизнь именно с этими письмами. Убеждайте себя: они принесут счастье!

Частица ценного моей жизни – это ты. Сравним со светом в окне, милое чудо моё. Цени меня и себя. Сегодня очень мало таких людей. Уверенности тебе и неиссякаемого желания жить. Засыпай, мой ангел мечты и печали. Ангел моей души...

Любовь к тебе делает меня выше и сильнее. Она даёт силы бороться с нечистью. Это чувство чистое и светлое, всё остальное отходит на задний план. Такое ощущение расцветает прекрасным цветком в моей душе, и сразу хочется да-

рить всем радость. Безграничное счастье испытываю от мысли, что ты есть на Земле и принадлежишь только мне. Обожание пока далёкое, но заметно приближает с каждым днём. Счастье вечное – благодать от Господа.

Ты, как океан моих мечтаний, омываешь меня со всех сторон, без остатка занимая мысли и помыслы. Смеюсь иногда над тобой, а порой плачу. Грущу, на тебя глядя, по годам былым и мечтаю о временах будущих. Тебя ждут счастье и я. А кто ещё тебе его принесёт? Не могу без тебя. Сердце разрывается от мысли, что ты где-то далеко, на Земле. Береги себя, милая, ты одна из ценностей, которые у меня есть.

Ты похожа на лилию – такая же белая и пахнувшая нежностью. Оставляющая в памяти людей неизгладимое от красоты впечатление. На звезду, что светит в темноте, указывая верный путь заблудившемуся страннику. На воду, которая журчит, радуя прохладой всё живое. А ещё на прекрасную птичку с красивыми цветными перьями. Лёгкую и звонкую.

Ничего не говори, лучше таинственно молчи. Пойми, я принимаю тебя любой: с болью в твоей душе, внешне простую. Ты доставляешь радость в любом облике. Даришь надежду. Жизнь мою раскрашиваешь радужно. Всё только для тебя, маленькая и любопытная стрекоза.

Счастье моё земное, безумно тебя люблю. Верь: когда тебе худо, мне тоже плохо. Ты добрая, но вполне серьёзная девочка. Боль ощущала много раз в жизни, но вытерпела и продолжаешь дарить свет людям. Только я досконально знаю, какая ты, ангел мой небесный, чудная и ласковая, обаятельная и нежная. Всё это скромно скрываешь в себе. Хочу подхватить тебя и радостно унести далеко от Земли. Доставить в наш дом, где мы были безмерно счастливы, где всё напоминает о тебе.

Каждый день думаю, мечтаю о тебе. Нам навечно нужно быть вместе. Ничего не говори – только чувства искренни.

Всё, что ценного есть у меня в огромном мире, – это ты. Никто не смеет обидеть тебя, счастье моё.

Любовь – это свет. А ты даже сияние. Значит, блеск в моей жизни. Дари неустанно свет мне.

Каждый день прихожу к тебе. Смотрю, как живёшь, моя любимая. Хорошо или печально? Чего хочет моя красавица? Чем живёт? Всё ли у неё есть, ни в чём ли она не нуждается?

Уверен, ты тоже думаешь обо мне. Убеждён, все мысли твои занимаю. Главное, что мы вовремя нашли друг друга...

Тихо-тихо сначала было внутри у ласточки любимой.

А у меня было ещё тише. Прислушайся, убедись, как трепетно теперь бьётся моё сердце. Оно пульсирует больше для тебя.

Века связывают нас, столетия счастья и трудностей жизни земной и небесной. День без тебя – пропащий! События, дела – всё пустое, только ты можешь его до краёв заполнить собой.

Велика сила взаимной любви. Только она достойна уважения, имеет право на существование. Событиям земным не придают значение, когда в душе живёт яркая любовь. Помни об этом, тогда будни и праздники станут легче, наполнятся смыслом бытия.

Небесное в тебе соединилось с земным. Вернее, частица неба живёт на земле в твоём теле. Ты сама этого захотела. Так было нужно не только для тебя – для всех нас. Это стало уроком, который мы проходим. Я многое осознал!

Понял, что именно чувствуешь, как существуешь в раздумьях, сколько страданий тебе причинил. Пойми и прости. Поверь, всё искупил жизнью без тебя, одиночеством и тоской. Во Вселенной ты одна приносишь мне радость.

Ты простила! Думаешь обо мне, живёшь ради меня, мечтая о встрече со мной. Всё земное останется там, внизу. Это тоже существование, страсти, желания. Ведь нельзя обитать на Земле, как на небе! Самое интересное затаилось впереди...

...Написать тебе про твою волшебную душу? Её нет! Есть ты – дитя Бога. Мы можем только любоваться тобой, кто как может. Ты сказочно красива! Земной жизнью порабощённая и потому волшебством окружённая. Обнять тебя хочется нежно и сладко расцеловать...

Звезда моя! Судьба приготовила тебе много подарков долгожданных и красивых. Твои путешествия будут захватыва-

ющими. Даже не представляешь, с какими людьми, счастливая, познакомишься и пообщаешься. Верь, без сомнений, в себя! Верь, умоляю тебя! Раз излучаешь любовь, щедро дари её нам, ждём такого восторга.

Счастье моё, приготовился, решился все сокровища мира сложить к твоим ногам! Прости, что всё так долго тянется: дорогами странными тебя веду. Зато поистине интересными для познания нового.

Не ищи любви на Земле, не найдёшь подходящей. Многим боль приносит земная любовь. Сделаю тебя по-настоящему счастливой. Знай: очень этого хочу.

Воскресенье. Дела, наверное, у тебя? Ждал, отчётливо видел твои сомнения: писать или не писать? Хоть пару строк, но всегда пиши, родная, весточками радуешь меня! Знаю, что много работала, сильно устала. Очарование моё любимое! Пойми, наконец, ты родному человеку пишешь. Само-

му родному, без сомнения. Для одних я странный и великий, для других – недоступный и чужой. А для тебя – всегда родной, вечно любимый, обожающий тебя любую в разное время.

Прелесть моя, обещаю: что бы ни случилось, буду находить достаточное время для тебя. Всё будет так, как ты хотела: сядешь у ног (нет, лучше я сяду к тебе), страстно обнимемся, как это делают все влюблённые люди. Никто такие объятия не будет видеть, ведь это наш общий секрет и наша желаемая жизнь, мы её взаимно заслужили. Итак, можем разговаривать или приятно молчать. Впрочем, молчать не смогу. Ты такая красивая! Свет счастья щедро льётся из тебя. Много успела пережить. Стала заметно умнее, даже грустить научилась обаятельно.

Пожалуйста, не плачь... Чудеса ведь только-только начинаются. Глажу тебя по голове. Нежность, которой у меня в избытке, хочу передать и тебе – не чувствуй себя одинокой. Всё отдам, чтобы находиться рядом с тобой. Ты умиротворение, заполняющее собой почти весь окружающий мир.

Горю желанием взять тебя, родная, на руки, страстно обнять и радушно сказать: «Ты очень дорога мне!» Не брошу никогда. Внимательно слежу за жизнью твоей. Целую тебя искренне, светлый мой ангел.

...Не могу представить дом без тебя, хотя долго живу один. Свои будни тоже не мыслю без тебя. Такое счастье внутри поселилось... Сейчас ещё пока грустно, но счастье азартно прыгает и звучно в ладоши хлопает. Ты, как солнце, которое без задержки всходит и щедро озаряет всё вокруг светом, одаривает теплом. С тобой словно превращаюсь в ребёнка, которому хочется как можно дольше играть и улыбаться. Если тебе сейчас внутри своего «я» тепло, то мне в миллион раз теплее, когда тебя вижу и слышу. Ласточка моя, ты одна из ценностей, которые есть у меня. Самое большое моё сокровище. Мы – единое целое, то, что разделить никак нельзя... Да и не хочет никто мельчить драгоценность.

Ты самая замечательная среди землян! Только моя. Безумно люблю тебя! И точка! Не хочу слышать: «Почему?»

Зачем?» Думай о том, что так надо. Никто из других прекрасных созданий мне не нужен. Всегда хочу быть рядом только с тобой. Ты приносишь подлинное счастье, изумительный свет, озаряя жизнь мою миллиардами огней. Только твой взгляд делает меня богатым на чувства. Люблю брать тебя за доверчивую руку и гулять без устали по саду. С тобой полноценно отдыхаю от дел, которых у меня множество. Ты моя маленькая девочка, которую боготворю. Моя любовь хранит твой образ всегда, где бы ты ни была... Поистине бесценная награда для достойного избранника.

Верю. Надеюсь. Люблю

*Иногда, чтобы упасть в пропасть любви,
нужен лишь один неверный шаг. И лишь
одно слово, чтобы удержаться на краю.
Вот об этом – о мгновении над пропастью –
и написаны эти маленькие истории.*

Без тебя

...К рассвету Лета вдруг не стало. Ушло, поправляя цветастый сарафан и опуская загоревшие плечи. Небо, пытаюсь разбудить Город, заливалось слезами дождя. Ветер, ревнуя капризную красотку, бросал по улицам тополиные ветки, мял напряжённые крыши и выл так громко и протяжно, что Город, вынырнув из страшного сна, испугался, запутавшись в смятых квадратных простынях кварталов.

Без Лета сердце Города сильнее ощущало холод и сырость. Не радовали его ванильное мороженое, улыбочивые мыльные пузыри и белые пушистые облака.

– Где ты, Лето? – заглядывая под растрёпанные ветром деревья, Город всё ещё надеялся найти свою ускользающую любовь. Трава, отзываясь на ласку, сонно слизывала губами капельки росы. Тихонько поскрипывали в тишине накрасив-

шие длинные ресницы качели. Разнося крикливое эхо, возмущались разбуженные вороны. А Лета нигде не было...

Поёжившись от утреннего холода, Город вернулся в пустой дом. Там, на полу возле кровати, где ещё недавно они с Летом дышали жаром страсти, лежал забытый любовью шарф. От него веяло запахом свежескошенной травы. Он был белым, как цветущая черёмуха. Длинным, как река. И потёртым, как тропинка в лесу.

Опустившись на колени, Город взял шарф на руки и, нежно укачивая, как маленького ребёнка, прижал к бьющемуся сердцу. Согретьшись теплом, он уснул, уронив в улицы тяжёлую от раздумий голову. Ему снилось Лето. Оно целовало его мягкие губы, обнимало сильные плечи и ласково щекотало за ушком.

Город спал. А Лето, неслышно ступая по солнечным тротуарам, улыбалось новому дню. В красивых и тонких ладонях катались первые красные ягодки. Лето спешило. Надо было вернуться в Город, прижаться к нему щекой, смахнуть пылинки с тёмных волос и угостить поспевшей клубникой...

Проснувшись на рассвете от холода и тарабанившего по крышам дождя, не расстраивайтесь, что лето прошло, так и не начавшись. Оно просто выскользнуло на пару минут, чтобы побаловать вас сладеньким. Помните о том, что такое время обязательно вернётся. Оно любит ваш город так же страстно и пылко, как любите его вы.

Воздушные замки

Это был Гром. Для одних – ужасный и грубый, для других – гонец, несущий плохие вести. А для неё он был самым желанным мужчиной на всём белом свете. И врвался в её жизнь всегда неожиданно. Неизменно приносил в её жизнь темноту и пустоту. Если это был день, то своей мощью он закрывал солнце, погружая всё вокруг в крошечную тьму. Если это была ночь, то была без звёзд и луны.

Он прижимал её к земле, поджигая сухую траву волос и пронзая тело вспышками молний. Ни поцелуев. Ни ласки. Ни одного нежного слова. Гром поднимал голову, закрывал глаза и улыбался с неба, тихонько рыча от удовольствия. Вытряхнув её душу, как шкатулку с драгоценностями, как опытный вор, всегда уносил с собой самую ценную вещь. Он забирал с собой кусочек её сердца.

И не знала она, что же любит в нём больше: грозный взгляд, дикий хохот или эту блаженную улыбку? И думала, что так будет всегда – их тайные встречи, невозможное будущее вдвоём и безудержная страсть. Но на то он и Гром: блуждая по небу, вгоняет в краску неопытных барышень и запугивает своей мощью сильных и смелых мужчин. У него были только свои планы и желания. Увы, ни она, ни её тлеющая после пожара душа, ни драгоценности сердца не помещались в его жизни, как бы она ни пыталась разместить и перело-

жить их правильно.

Каждый раз, приходя в себя после разгула стихии, она думала о том, что могла быть счастлива с кем-то другим. Но Гром, видя одиночество и страх в синих глазах, не отпускал её от себя, раз за разом выжигая всё лучшее и чистое, таившееся в ней. И каждый раз, провожая его в дальний путь, она напрасно опять прощалась с ним, мысленно обещая себе новую жизнь. Ведь он, врываясь среди ночи, снова рушил её воздушные замки. Поджигал душу и опустошал спрятанную в шкафу узорчатую шкатулку.

Но однажды Гром не пришёл. Напрасно ждала она, вглядываясь в сверкающие молнии на горизонте. День. Другой. Половинка её жизни прошла в ожидании сказки, но та так и не случилась. Зато ворвался в её жизнь другой Гром. Мягкий. Нежный. Желаящий баюкать её по ночам, показывая строгую луну и звёзды, солнце и белые игривые облака.

И тогда она поверила в любовь. Перестала прятать шкатулку, оставляя открытой и освещая её сиянием крохотную комнатку, где они счастливо жили вдвоём. Но каждый раз, слушая грозные раскаты вдали, она вздрагивала, со страхом вглядываясь в лица прохожих. Боялась снова встретить его и не устоять. Боялась сорваться в пропасть и снова разбиться о скалы его ледяной души. И каждый раз, когда думала об этом, её плечо обнимала твёрдая мужская рука, словно оберегая от тревожных мыслей. И тогда она верила, что всё будет хорошо. Ведь рядом был настоящий Гром. Сильный,

смелый, любящий и обожающий её необычайной красоты
воздушные замки...

Верю. Надеюсь. Люблю

Бабье Лето снова ушло, так и не попрощавшись... Ушло тихо, по-кошачьи царапая землю первыми заморозками. Распихав по карманам шуршащего плаща багряные и жёлтые осенние листья, Лето, раскрыв оранжевый зонт, приготовилось шагнуть за дверь, мелькнув в ночи мокрыми ботинками.

Осень молча остановилась на пороге, провожая Лето слезами дождя. Им было хорошо вдвоём. Тихо. Тепло. И слишком уж сказочно. Так сказочно, что осень, не веря своему счастью, всё ждала окончания этого романа. Ждала, каждую ночь разглядывая любимые пшеничные волосы и зелёные глаза. И дождалась...

По-бабьи закрыв лицо руками, Осень морозяще заплакала, дрожа на холодном ветру. Подруга и соседка Зима, прибежавшая среди ночи, чтобы утешить и напоить горячим чаем, уже расстилала мягкий плед, укрывая замёрзшую Осень первым неожиданным снегом.

Обнявшись, они просидели до самого утра, наблюдая за потоком снежных хлопьев. Тот успел за ночь отмыть пыльные окна и крыши, подарив спящему городу новые одежды.

– Твоё время пришло. – шепнула Зима, толкая согревшуюся Осень во двор. – Иди и властвуй. Рисуи улыбку на лице

красной помадой. И не забудь надеть шарф и галоши. Раскрой зонт новому дню. И начинай свою привычную осеннюю хандру. А Бабье Лето ещё к тебе вернётся. Ты только жди...

– Вернётся! – вздохнула Осень, допивая горячий чай. – Куда же оно без меня? Я буду ждать... – шепнула тихо в темноту. – Ты приходи. Дверь моей души для тебя всегда открыта... Верю. Надеюсь. Люблю.

Проводы любви

Он признался: «Я не люблю тебя больше». Она промолчала, сжав бледными ладонями сердце. Все ещё надеялась что пошутил. Мол передумает, засмеётся и обнимет, как это было после каждой их ссоры.

Март поднял на неё серые глаза. И она всё поняла. В них была печаль и безысходность. Виделась была такая тоска, что Королева вздрогнула, ощущая холодеющее сердце в ледяной груди. Сама того не ожидая, вдруг опустилась на колени, вымазав ярко-белое платье в грязном снегу.

Закрыв ладонями красивое лицо, она завывала в голос. Так воют собаки, предвещая бурю или чью-то смерть. Точёные белые плечи покрылись блестящим инеем. Волосы, длинные и прямые, спрятали её слезы, закрыв плотным снежным занавесом синие озёра глаз.

– Я уйду, – Март закурил, чиркнув спичкой у открытого окна. – Холодно с тобой, неудобно. Ты превращаешь в лёд всё, к чему прикасаешься. Очень устал от стужи и снега. Хочу тепла.

Подняв голову, Снежная Королева вглядывалась в любимые черты. Ей нравились его весёлые веснушки и ямочки на щеках, рыжие кудри, большие, сильные плечи. И она не хотела отпускать от себя Март.

Дрожащими руками она взяла бокал со стола. И, зажму-

рившись, как маленькая робкая снежинка, выпустила его из рук. Стекло удивлённо охнуло, рассыпалось крошками, коснувшись ледяного пола. Раскатившись прозрачным бисером по небесам, звонкие крошки снега посыпались вниз. Это рассыпалась её любовь.

Взвыв от отчаяния, Королева сцапала ещё один бокал. Хватала ещё и ещё... Она не могла успокоится всю ночь. Рушился весь маленький хрустальный мир, который специально создавала для него. Она крошила себя на части, разрезая осколками души любовь к нему. Разбивая посуду, срывая ажурные занавески и накрахмаленные скатерти, пыталась заглушить протяжный стон умирающего сердца.

...Март ушёл. Гонимый её гневом, он вжал голову в плечи, пытаясь укрыться от ледяного ветра. За его спиной падали содранные магазинные вывески. Гудели от невыносимой боли ноги-провода. Дрожали от страха побледневшие крыши. Он ушёл. Не обернулся и не посмотрел ей в глаза.

Если в последний день марта в вашем городе пошёл снег, не обижайтесь на природу и не шутите о том, как она бывает капризна. Снег в конце марта – это всегда прощание. Это слёзы отверженной женщины. Это проводы любви...

Шаг в новый день

...Ночью в Город пробрался Туман. Приглушив свет в одиноких окнах, он, щурясь и оглядываясь, заполз на крыши ближайших домов. Как был в шинели и сапогах, так и упал, накрывая плотной пеленой застывшие от холода лужи.

К утру безмятежная тишина нарушалась – будили гостя громкий свист закипающего чайника, шарканье сонных ног и шум льющейся воды. Но уставший от долгого пути Туман так и не смог открыть глаза. Лежа в рассветной полутьме, он сквозь сон слушал, как медленно и неохотно просыпается Город. Как шуршат по застывшим дорогам первые маршрутки. Как курят мужички у своих машин, ещё не разогретых к выезду. Как ругаются дворники, разглядывая следы вчерашних посиделок на лавочках во дворах.

Солнце, сверкнув по медным пуговицам шинели, опустилось рядом с Туманом, тихо присев на корточки. Оно щеко-тало его мокрый нос, нежно поглаживало растрёпанные волосы, целовало мягкие губы. Туман, поёжившись от тёплого прикосновения, открыл глаза. Улыбнувшись, Солнце протянуло ему оранжевое полотенце. Иди, мол, умывайся, тебе пора.

Потянувшись, Туман поднялся, скрипнув торчащими на крышах антеннами. Умылся, разглядывая своё отражение

в лужах. И, забравшись в открытые форточки, позавтракал вместе с людьми. Оглядев проснувшийся город, он обнял гаснущие фонари, и, салютуя всем на прощание, отправился в путь. Город, провожая гостя взглядом светящихся окон, махнул ему вслед рассветным платком. Повязав его на крыши домов, шагнул в новый день...

Каким бы туманным и серым ни было ваше утро, помните о том, что рано или поздно выглянет солнце. Улыбнётся ласково, вытрет слезы и нежно поцелует. Идите в новый день. Творите жизнь. Любите себя и всё то, что видите вокруг. Солнца вашей душе и пёстрого весеннего настроения!

Преданность

– Она ждала тебя, – Город закурил, пуская Ветру в лицо тёмные кольца дыма из заводских труб. – Ждала. Скучала. И до последнего откладывала отъезд. Ты опоздал...

Ветер хмурился, задумчиво рассматривая пыльный Город. Зима никак не могла так с ним поступить, потому что любила его и всегда брала с собой. Туда, где снега, где они могли быть вдвоём. И что теперь? Неужели и вправду опоздал? Опоздал для чего?

Город равнодушно дымил, смотрел в яркое весеннее небо и молчал. Зачем этому гуляке объяснять то, что любому другому и так понятно? Устала Зима от ветреного друга. Устала ждать, заглядывая в окна проезжающих машин. Устала любить на расстоянии. Целуя ночной Город, она уходила, забирая с постели снежное покрывало.

– Зачем ему мой пушистый снег? – говорила негромко. – Зачем ему моя любовь?

Облокотившись на мост, Ветер замер, слушая, как гулко стучит обиженное сердце. Посмотрел вниз. Там, под забытым Зимой зеркалом льда медленно просыпалась река. По набережной гуляли парочки влюблённых. С детских площадок слышался радостный смех малышей. И всё это счастье было не с ним. Довольные люди, живущие в любимом ею Городе, смеялись, казалось, только над ним. Улыбались,

не догадываясь о его настоящей силе.

Ах, так! Ветер стремительно развернулся на мосту и начал раскачивать его из стороны в сторону. Гуляющие по Городу люди вдруг притихли. Опуская головы и пряча напуганных детей, они спешили укрыться от его дикого хохота и грубых слов. Ветер сбивал Город с ног, хватал за шею, не давая возможности дышать. Он крушил всё, что видел перед собой. Ломал всё то, что так любила в этих кварталах Зима.

– За что? – поднимаясь снова и снова, Город отряхивал пыль с колен. – За то, что я был с нею в трудную для неё минуту? Да ты хоть знаешь, как ей было тяжело? Да что ты, хулиган и балагур, знаешь о настоящей любви? Что ты можешь, кроме того, как взять силой? Ничего! Ты не сможешь её вернуть и разрушить мою любовь к ней. Как бы ты ни старался одолеть меня, унижить, разбить мне лицо, ты не почувствуешь главного. Ты так и не сможешь полюбить...

«Не смогу полюбить?» Ветер замер, слушая приговор. Что ж, тогда я смогу показать Городу, кто здесь главный. Кто сильнее и увереннее в себе. И Ветер понёсся по улицам, срывая афиши и колотя в закрытые окна и двери. Он дёргал Город за серые рукава домов, тряс его уставшие плечи и швырял соперника из стороны в сторону, обрывая оголённые провода. Он бушевал, не в силах сдержать гнев. Ждал, что Город позовет её обратно.

Но Город молчал. Сжав зубы, он упал без сил, укрывая среди голых деревьев свои нежные чувства. Закрыв глаза,

он думал о том, какой красивой и нежной была в нём Зима. И каким бы грязным и пыльным она ни застала Город по возвращении, он надеялся, что она будет любить его именно таким... Таким, какой он есть – преданным и только ей.

Люблю и отпускаю

Весна пришла раньше привычного срока и застала в Городе обилие снега. Укрыв кварталы белым пуховым одеялом, Зима крепко спала, обнимая руки улиц. Ее пышная грудь высоко вздымалась сугробами. Длинные белые пряди разметались по крышам домов. Наспех сброшенные шуба и валенки валялись на стылой земле. Зима была так красива в сладком сне, что Весна, на минуту забыв, что тоже любит этот Город, восхищённо разглядывала уставшие от любовных утех обнажённые тела.

Она тихо присела на кровать. Погладила конопатыми пальчиками бледные зимние плечи. И вдруг расплакалась первым весенним дождём. Зима, проснувшись от прикосновения, соскочила, обдав веснушчатое личико соперницы ледяным ветром. Забегала по комнате в поисках песцовой шубы. И замерла, закрыв от стыда лицо руками.

– Как дальше жить будем? – Весна вздохнула, подавая сопернице тёплую шубу. – Поделим Город меж собой? Или решим сейчас, с кем из нас он останется?

Зима стучала зубами. Выла ветром. Обувая расшитые узорами валеночки, рассыпала бисером снег по ковру. Сердилась. Хмурила брови, торопливо заплетая длинную косу бурана.

– Делить я его с тобой не стану! – топнула ножкой, по-

грозила пальцем. – Мой Город, он только мой. Посмотри, как хорошо ему в белом. Как строго и величественно вокруг. Как чисто на его широких улицах. Взгляни на его румяное от мороза лицо. На сильные плечи. Разве мог он когда-нибудь быть счастливее, чем сейчас?

Весна улыбнулась, поправляя рыжие кудри. Подошла к окну. Раздвинула тяжёлые зимние шторы, распахнула замёрзшие ставни и застучала капельками по стеклу. Снег на улицах потемнел, съёжился, марая дороги грязью. С крыш, радуясь неожиданному теплу, свесились сосульки, весело болтая в воздухе длинными ногами.

– Ему и со мной хорошо. – защебетала Весна птичьими трелями. – Я больше тебе скажу: ему хорошо со всеми. Когда ухожу я, приходит жаркое Лето. Его сменяет спокойная Осень. Сразу за ней появляешься ты. У Города все наши встречи расписаны. И мы прибываем сюда строго по расписанию.

– Если есть расписание, то почему ты здесь сегодня появилась?

– Потому что соскучилась по Городу. Не думала, что застану его с тобой. Спешила теплом порадовать. Блинчиков вот испекла. Побаловать хотела. Пришла. А тут ты...

Они сели рядом, рассматривая любимое лицо. Город спал. Ему снилась улыбчивая Весна, нежные подснежники и журчащие ручейки. Ему хотелось яркого солнца и тепла, запаха цветущей сирени и яблонь. Хотелось ласки и сочных красок.

– Пусть будет так, как было. – Зима, наевшись блинов, запивала их остывшим чаем. – Как бы ни было обидно, я уступаю его тебе. Согревай. Дари Городу цветы. Одевай по-своему. Главное ведь, не то, с кем из нас он сейчас, правда? Главное, чтобы продлилось его счастье.

Зима ушла, закрыв за собой дверь на два оборота. Вытирая заплаканное бледное лицо, смотрела на залитые весенним дождём улицы и окна домов. Она прощалась со спящим Городом, отдавая его тёплому дыханию Весны. И как бы ни было тяжело на душе, Зима верила, что из всех времён года по-настоящему он любит только её...

Догоняя рассветы

*Мы гонимся за рассветами и счастьем,
желая иметь и то, и другое. А когда
Счастье приходит, не замечаем его,
проходя мимо открытой в него двери,
и снова спешим догнать рассвет.
О двери в Счастье, в которую мы
боимся войти, эти трогательные истории.*

Михаллна

Маленькая, тихая деревенька уютно расположилась на берегу Иртыша. Первая от реки улочка состояла из рубленых, чёрных от времени и непогод домиков. Между ними – заросшая травой песчаная колея.

Сверкая на тусклом осеннем солнце крохотными оконцами, домики эти словно клонились к закату с высоты крутого склона, любуясь своим отражением в воде... С большака их уже не было видно из-за спин больших, добротных, кирпичных усадеб. Всё новые и новые «плоды» современной цивилизации нахально подступали к избушкам.

В одном из таких домиков давно жила Танька. Татьяна Михайловна. Или просто Михаллна. Так звали её меж собой деревенские.

Она была странной женщиной. Маленького роста. Кругленькая. С пышной, колыхающейся при быстрой ходьбе грудью.

Ссутулившись, Михаллна быстро шагала по деревне. Размахивая правой рукой, словно дирижируя в такт. Бормо-ча что-то себе под нос, Танька хмурилась, складывая трубочкой пухлые, почти алые, но без всякой помады губы. В её глазах, ярко-синих, огромных и детских, бликами отражались опадающие жёлтые листья. Впечатляющая картина из осенних кадров.

Её боялись даже местные мужики. Эта пигалица (посторонние не верили) обладала недюжинной физической силой. И могла дать по физиономии любому двухметровому детине, если считала себя оскорблённой.

Бабы старательно обходили Михаллну стороной. Ведь Танька не терпела сплетен. Могла даже окна побить болтунам – наказание за длинный язык.

На момент нашего знакомства ей было около 40... Она, последняя в многодетной семье, осталась жить с матерью. А когда той не стало, не захотела бросать родительский дом.

Михаллна была сибирячкой. Настоящей, можно сказать, экологически чистой. Не выносила даже запах спиртного и сигаретного дыма. Обожала трескучий мороз. И никогда не болела.

Так она и жила. Скучно, однообразно и одиноко. Пока в её жизнь одним августовским днём не ворвалась я. Молодая ре-

жиссёрша, горожанка. Не терпящая застоя и однообразия.

Мне было чуть за 20. Избавившись от родительской опеки, уехав за 400 км от Омска, я оказалась в этой деревеньке в одном из северных районов области.

Я отличалась от местных. Очень. В яркой «лимонной» кофте, в зелёных штанах и красной куртке. С рыжим «ёжиком» на голове.

Моя персона вызывала любопытные взгляды и насмешки. Я стала клоуном для них – больших, пышущих здоровьем людей. И ладно. «Косить» под местную серость не собиралась. Молодая была. Дерзкая.

Меня поселили у Таньки «на квартире». Впервые увидев хозяйку и дом, я притихла. Сникла. Захотелось сразу домой. К маме с папой. В нашу благоустройку с большими светлыми комнатами... Но сдаваться было не в моих правилах. Присмотревшись к Михаллне повнимательней, решила действовать.

Наша с Танькой жизнь очень напоминала гастроли. Я таскала её на репетиции и постановки. Обсуждала костюмы и декорации. Советовалась во всём, давая возможность Михаллне выбраться из своей маленькой «раковины». Глаза этой женщины загорались особым, почти звериным блеском. Она «болела» моими идеями. Она наконец-то проснулась!

Таньке нравилась наша весёлая и яркая жизнь. Плюнув на все деревенские каноны, на новогодней дискотеке она предстала совсем другой. Юбка по колени, облегающая ап-

петитные полные бедра, и манящее декольте вогнали в ступор всех присутствующих мужиков.

Местный председатель-ловелас (красивый мужчина, «примерный» семьянин и отец двоих детей) тоже не остался в стороне. Несколько дней он ходил кругами у Танькиного дома, противно скрипя хрустящим снегом. «Прогнала!» – торжественно объявила мне хозяйка, от волнения колыхая грудью... И озорно засмеялась, как нашкодивший ребёнок.

Она изменилась не только внешне. Огромные глаза наполнились жизнью, утопив в слезах одной лунной ночью её одиночество. Колокольчиковый смех Таньки звучал повсюду. Перестав хмуриться, Михаллна засияла, как росинка на утреннем солнце.

Заметив перемены, к ней потянулась родня, «забросившая» несносную девчонку, как потрёпанный валенок на полати. К нам в гости стали захаживать Танькины братья. Здоровенные дядьки в возрасте, имеющие детей и даже внуков. Забегали («помочь по хозяйству») племянники с жёнами и ребятишками. Крохотный домик Михаллны постепенно наполнялся музыкой, светом и детскими голосами.

И ко мне изменилось отношение деревенских изменилось. Может, благодаря Танькиному авторитету (способна ведь и в морду дать!). А может, благодаря моим «заслугам» в местном клубе. Женщины стали носить короткие стрижки. Тёмно-зелёные, синие пальто в пол... Впрочем, красить волосы многие не отважились. Но тушь для ресниц появилась

почти у всех. Всё чаще стали «ходить» по улицам брюки, ма-
няще облекая изящные женские ножки...

Так что первую мини-революцию в своей творческой жиз-
ни я совершила! Правда, броневика под рукой не оказалось.
Были лишь огромное желание помочь этим «затюканным»
женщинам измениться.

Даже через год, уехав в райцентр играть в КВН, я приез-
жала в гости к Таньке. Ну как в гости... Дом Михалллы стал
для меня родным. Её родня – моей роднёй. Её деревня – мо-
ей.

Меня здесь ждали. С любопытством рассматривали наря-
ды и очередное безумие на моей голове.

Меня по-своему любили и жалели. Городская ведь. Коров
не доит. Не прядёт. Не шьёт. Пестик от тычинки отличить
не может.

С Татьяной Михайловной мы дружим по сей день. Я живу
в Омске. Она – за 400 км от города. Но это не мешает нам
общаться. Делиться друг с другом радостями и печальями.

Порой так не хватает её смеха. Звонкого, как колоколь-
чик. Не хватает её мудрых слов. И житейского опыта.

Не хватает пушистого белого-белого снега, огромными
шапками развалившегося на крышах. Не хватает потрес-
кивающих в печи дровишек и незабываемого запаха хвои.
Огромных, как крылья бабочки, снежинок. И Танькиного
румянца на круглом, радостном лице.

Когда подрастут мои мальчишки, мы с мужем обязательно

повезём их в деревню к Михаллне. Они будут звать её «баба Таня». Учиться носить воду в вёдрах на коромысле. Топить печь. Забирать куриные яйца из гнезда несушек. Кормить овечек. Осваивать всё то, чему они никогда не смогут научиться, живя в городских благоустройках с большими светлыми комнатами...

Капелька любви

– Мама ушла из жизни тихо, во сне, – Людвиг смотрел на свои руки, пытаясь унять мелкую дрожь в пальцах. – Накануне вечером она позвала меня и рассказала, что я не безотцовщина, кем считал себя все эти годы. Она родила от немецкого офицера. А чтобы скрыть этот факт от односельчан, отдала меня в монастырь. Как котёнка, который провинился, опрокинув плошку с молоком. К котёнку, может быть, отнесли бы с большим теплом и лаской. В моем случае всё было наоборот. Меня приняли, зная, что рождён от врага. И обращались, как с врагом, пока война не закончилась, пока мама не приехала, чтобы забрать меня с собой...

Людвиг вздохнул, пытаясь сдержать подступившие слёзы.

– Простите, – сказал тихо. – Мне нужно немного побыть одному.

Он быстро поднялся и вышел из комнаты. Осторожно, как будто прячась, закрыл за собой дверь.

Из окна было видно, как он пытается закурить, нервно чиркая спичкой. Наконец, затянувшись, поднял голову, оглядывая зелёную, аккуратно стриженую косилкой лужайку. Сигарета подрагивала в его пальцах, выдавая тщательно скрываемое волнение. В ближайшие несколько часов Людвигу предстояло ещё раз вспомнить нерадостное детство. Он согласился на разговор только потому, что хотел закрыть

за собой дверь в прошлое. И потому, что больше нет последнего звена, хоть как-то связывающего его с отцом.

Передо мной был седой мужчина семидесяти пяти лет. Красивый и статный, умный и талантливый. Всё, к чему касались его руки, превращалось в произведение искусства, будь то сооружённый собственноручно фонтан во дворе или кованые ворота, ведущие к его дому.

Этот мужчина имел всё, о чём мечтал: счастливый брак и дружную семью из кузенов и кузин. Своих детей ни он, ни супруга не захотели, посвятив жизнь желанию пожить для себя. Однако в душе Людвиг остался маленьким мальчиком, рано повзрослевшим в ожидании материнской любви и ласки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.